

Бай Шилэй не передал Цюй Чэньчжоу полный приказ главнокомандующего.

Лю Чунмин отдал два распоряжения: первое — сохранить ему жизнь, второе — не опорочить его невинность.

Цюй Чэньчжоу годами жил во дворце, редко появляясь на людях, и чем меньше его видели, тем больше ходило о нем невероятных слухов. Помимо его предсказаний, решавших судьбы, чаще всего говорили о его холодной, бесподобной красоте.

Из-за этого второй приказ Лю Чунмина обрел двусмысленный оттенок.

Многие смутно припоминали, что когда-то между этими двумя людьми существовала глубокая связь.

Некоторые даже предполагали, что астрологу Цюй удастся избежать смерти — пусть ценой унижений, но жизнь сохранится.

Человека с такими способностями просто так не отбросишь — взгляните на двух предыдущих императоров.

Слухи множились, двор бурлил, и в конце концов кто-то осмелился намекнуть Лю Чунмину на эти разговоры.

Лю Чунмин ответил без колебаний:

— Свергнутого императора можно простить.

Остальное не требовало пояснений.

Свергнутого императора можно пощадить, но этого человека — ни в коем случае.

Цюй Чэньчжоу ничего не знал об этих событиях. Когда его вывели из обсерватории, у ворот уже ждали чиновники из Управления по надзору за рабами.

Спустя десять с лишним лет он снова стал рабом.

Раскаленное клеймо с шипением впилось в кожу на пояснице, оставив после себя иероглиф «Мин» и запах горелой плоти.

Это место было для него самым болезненным. Лю Чунмин, как никто другой, знал, как причинить ему наибольшие страдания.

Боль от клейма отдавалась во всем теле. Ноги отказывались слушаться, но лошадь впереди тянула привязанную к нему веревку, заставляя идти.

Будто специально для унижения, на нем оставался расшитая золотом одежда, пожалованная императором — символ его прежнего высокого статуса. Но волосы были распущены и кое-как стянуты красной лентой.

Рожденный рабом, он не имел бы права носить прическу свободного человека, если бы не императорская милость.

По обеим сторонам дороги толпились зеваки.

Для простолюдинов астролог всегда был недостижимым божеством, существом из легенд.

Теперь же небожителя поволокли по улицам. Даже несмотря на только что отгремевшую в столице войну, всем хотелось взглянуть на это зрелище.

Первое время он еще кое-как шел, но боль в пояснице заставляла дрожать колени. Холодный пот пропитал нижнюю одежду, и вскоре он рухнул на землю, волочась за лошадь.

Хотя солдаты оцепили дорогу, перекрыть поток пересудов было невозможно.

— Это и есть астролог? Думал, у него три головы и шесть рук!

— Да кому нужны три головы? Он и без них может прикончить тебя одним словом. Разве не бог?

— Какой там бог! Шавка при власти. Без сильных покровителей кто бы его слушал? Просто чья-то собака.

— Столько грехов на душе, а выглядит... Небожитель, и правда.

— Если бы не эта внешность, разве стал бы император его слушать? До чего довел...

— Неудивительно... — кто-то уставился, бормоча: — Если бы он мне так улыбнулся...

— Заткнись! — зашикали рядом. — Жизнь не дорога?

— Лжепророк, развратник, губитель государства. — раздался чей-то злобный голос. — Как древняя Дайцзи! Облить собачьей кровью и казнить!

— Говорят, его глаза видят прошлое и будущее. Правда ли?

— Кто знает... Наверное.

Эти слухи давно не были новостью. Какой-то смельчак крикнул:

— Эй, господин солдат! Правда, что у него глаза разного цвета? Покажите народу!

Солдат, конечно же, уже удовлетворил свое любопытство на этот счет. Теперь, с одобрения толпы, он с радостью устроил представление, пихнув пленника ногой.

— Не слышишь? Открывай глаза! Горло отнялось, так и глаза ослепли?

Связанные за спиной руки не давали опереться. Цюй Чэньчжоу, тяжело дыша, лежал ничком, пока удар не заставил его прийти в себя. Он медленно открыл глаза.

Офицер схватил его за волосы, заставив поднять лицо. Толпа ринулась вперед, каждый жаждал увидеть.

— И правда! Один глаз синий, другой — золотой?

— Дайте взглянуть! Он на меня смотрит!

Цюй Чэньчжоу рассеянно смотрел на мельтешащую толпу, ему хотелось что-то сказать.

Сказать, как он им завидует — их простой, размеренной жизни, их домам, где их ждут, их беззаботному смеху.

Все, чего он хотел — крохотное место под солнцем, чтобы жить свободно и спокойно.

Вот и все.

Увидев его глаза, некоторые засомневались:

— Может, не стоит? Вдруг он и правда небожитель? Как бы не навлечь беду...

— Чушь! — тут же оборвали труса. — Ты что, только вчера о нем услышал? Пожил пару лет в шелках, и ты уже веришь, что он божество? Всего-навсего раб, купленный за три серебряных.

— Раб? Он?

— Еще какой! Вся столица знала.

— Я только недавно здесь, расскажи!

— Да чего рассказывать — везде услышишь. Лет десять назад его продавали в той самой башне Цишэн.

— Башне Цишэн? Ее давно уже нет.

— Ну да. А кто его заметил — ты ж знаешь. Говорят, башню Цишэн разорили как раз затем, чтобы заполучить его ко двору.

— Не только башня Цишэн пала из-за него... - ехидно добавил кто-то в толпе. — Если бы он не попал во дворец, не было бы и всей этой смуты...

— Тсс!" - его тут же осадили.

— Эх, настоящий сглаз. Кто его купит - тому и несчастье.

— Вот именно. Потому, будь я на месте главнокомандующего Лю, тоже бы не рискнул оставлять его в живых.

Главнокомандующий Лю...

Эти слова, словно раскалённые угли, обожгли слух Цюй Чэньчжоу. Его безжизненное тело вдруг содрогнулось.

Солдат, будто держа в руках нечто осквернённое, грубо толкнул его вперёд. Цюй Чэньчжоу упал на землю, затем, упираясь лбом в пыль, медленно поднялся на колени и, шатаясь, встал на ноги.

"Чунмин..." - прошептал он в душе, делая шаг, затем ещё один, зная, что ждёт его в конце этого пути.

В подземелье не было даже узкого окошка.

Эта тюрьма, пропитанная запахом крови, вселяла ужас при одном упоминании. Никто ещё не выходил отсюда живым.

Цюй Чэньчжоу лежал в кромешной тьме, потеряв счёт времени, лишь изредка слыша жуткий скрежет металла по каменному полу.

Он терял сознание от боли, приходил в себя, но его упорно не давали умереть.

Четыре месяца спустя новый император взошёл на престол и объявил всеобщую амнистию. Единственным, кого помилование не коснулось, был Цюй Чэньчжоу.

Его выволокли из темницы, закованного в тяжёлые кандалы. Впервые за месяцы он увидел солнце – ослепительное, невыносимое.

За это время он успел испытать все мыслимые пытки, не раз балансируя на грани жизни и смерти. То, что он ещё мог стоять, было чудом.

Охранявшие его стражники с опаской поглядывали на него, не понимая, как этот измождённый скелет ещё способен идти.

Но Цюй Чэньчжоу видел только дорогу впереди – ещё шаг, ещё один, и он увидит его.

У дворцовых ворот его силы окончательно оставили. Его потащили по яшмовым ступеням, босые ноги оставляли кровавые следы на камне.

Перед залом Всеобщей гармонии был возведён эшафот.

Ещё до взятия столицы Лю Чунмин поклялся перед войсками: если они прорвутся сквозь дворцовые врата, он принесёт коварного Цюй Чэньчжоу в жертву павшим.

Прикованный к позорному столбу, Цюй Чэньчжоу едва держался на ногах. Все силы ушли на то, чтобы поднять голову и увидеть приближающуюся фигуру.

Прошло почти десять лет. Они больше не те юноши, какими были раньше.

Чунмин в императорских одеждах, с нефритовой короной, был прекраснее, чем в его воспоминаниях.

Он облизал пересохшие губы. Имя уже вертелось на языке, но голос не слушался.

Но и этого мгновения хватило. В памяти вновь расцвели те солнечные дни, наполненные смехом. Цюй Чэньчжоу слабо улыбнулся и опустил голову.

Увидеть его – уже достаточно. Не зря ждал.

Только вопрос, ради которого он цеплялся за жизнь, так и останется без ответа.

Только их детская мечта – скакать вместе на вольных просторах – так и останется мечтой.

— Астролог Цюй! Ты узнаёшь меня?! – голос Лю Чунмина дрожал, нефритовые подвески императорского головного убора звенели, мешая разглядеть окровавленную фигуру.

Он сорвал корону и швырнул её на землю. Цзин Чэнь поспешил подхватить её.

— Ваше величество...

— Астролог Цюй! Взгляни на меня! Ты узнаёшь меня?! – Лю Чунмин оттолкнул его, рыча от ярости.

Цюй Чэньчжоу не поднял головы, игнорируя его гнев.

— Ты посмел совершить всё это – почему теперь не смеешь взглянуть на меня?! – Лю Чунмин взмахнул рукой, и чёрный кнут со свистом рассек воздух.

Удар пришёлся по плоти, но Цюй Чэньчжоу лишь слабо качнулся, будто не чувствуя боли. Ни звука, ни движения.

— Цюй Чэньчжоу, – голос Лю Чунмина сорвался, в нём слышались слёзы. Ещё удар. — Взгляни на меня!

— Взгляни!!

— Подними голову!!

Цзин Чэнь не выдержал. Он схватил обезумевшего императора, жестом приказав подчинённым проверить состояние осуждённого. Тот, подбежав, молча кивнул.

— Ваше величество... Он уже мёртв.

Цюй Чэньчжоу умер.

Человек, когда-то державший всю власть в своих руках, которого проклинала вся Поднебесная, тихо ушёл на эшафоте, успев бросить на Лю Чунмина лишь один взгляд.

Десять лет ожидания. Четыре месяца пыток. Он исполнил своё желание – и погас.

— Он не мог умереть... - Лю Чунмин замер, затем вдруг усмехнулся. — Такой бессердечный человек не мог умереть.

Он отступил на шаг, и слуга подал ему приготовленное заранее.

Золотой лук. Серебряные стрелы.

Когда-то он обещал показать ему вольный мир за стенами дворца: бескрайние степи, быстрых коней, охоту с этим луком.

Натянутая тетива, свист стрелы.

Серебряный наконечник вонзился в грудь Цюй Чэньчжоу.

Привязанное тело лишь слабо дрогнуло, голова безвольно склонилась.

Лю Чунмин механически выпускал стрелу за стрелой. Глаза застилало слезами, он стирал их - и снова стрелял.

Кровь залила половину эшафота, дойдя до ног императора. Но Цюй Чэньчжоу по-прежнему спокойно лежал, на губах застыла лёгкая улыбка - словно он был всем доволен.

Лю Чунмин опустил лук.

Почти десять лет он штурмовал ненавистные дворцовые стены, чтобы жестоко казнить самого ненавистного человека. И теперь, достигнув цели, осознал - это не то, чего он хотел.

Те светлые дни юности, сладкие, как весенние персики - их подарил ему один человек. И тот же человек похоронил их.

— Чэньчжоу... - он рухнул на колени перед эшафотом, прижав лук ко лбу. — Чэньчжоу...

Рыдания разрывали грудь.

— Чэньчжоу...

<http://bllate.org/book/15643/1398422>